

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТЕАТР...

Гастроли

Б Д Т

ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ ВЛАДИСЛАВ СТРЖЕЛЬЧИК

ИНТЕРВЬЮ началось несколько необычно. В редакции шла пресс-конференция с артистами Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького. Выступил народный артист Советского Союза В. И. Стржельчик, однако время не позволило ответить на все вопросы. И тогда конференция закончилась, мы продолжили беседу с Владиславом Игнатьевичем. Интерес к его рассказу был вызван тем, что он — один из ветеранов театра, которому от дано 38 лет. Говорили о спектакле «Цена». Роль Грегори Соломона — большая творческая удача артиста.

— Это глубоко психологическая пьеса, рассчитанная для малой сцены. Речь — о сегодняшнем дне Америки, которая задыхается в царстве гангстеризма. Если в финале родной брат готов убить брата ради того, чтобы не слышать горькой правды, играть такую сцену высокого драматического накала очень трудно. Тем более, когда в зрительном зале более двух тысяч человек, а температура на сцене — 38 градусов тепла. Но непередаваемое словами чуткое внимание, большой интерес ташкентского зрителя к спектаклю и исполнителям создали атмосферу радости, взаимопонимания артиста и зрителя.

— Как вы относитесь к своему герою?

— Эту роль я очень люблю. Однако спорю с автором. У него Грегори Соломон выглядит балагуром. Но он не балагур. Я играю человека, дожившего до девяносто лет и не видающего просвета в отношениях между людьми: брат брату — враг. В этом — трагизм человека общества, где живут герои пьесы.

— Мы были свидетелями вашего актерского триумфа в Ташкенте. А каков был ваш путь в искусство?

— Моя актерская судьба

сложилась счастливо. Я пришел в БДТ после окончания десятилетки. Учился вместе с сыном известного артиста Ларикова. Он «обеспечивал» контрамарками весь наш драмкружок. Естественно, я с товарищами часто посещал спектакли БДТ. А когда мы узнали, что в театре организуется студия — все ринулись туда. Студией руководил знаменитый мастер сцены Алексей Дийкий.

Проучившись полтора месяца, я держал еще один серьезный экзамен. Театр ставил две пьесы, где были мальчишеские роли. Попадающих кандидатур в основной и вспомогательной труппах не было. И меня взяли. Шел мне тогда 16-й год.

— Кто вам привил любовь к театру?

— Мои педагоги в школе. Они очень пристально следили за ростом своих питомцев, развивали добрые задатки. Каждый из нас в школе был на определенном учете. Помню, на педсоветах речь шла не только об учебном процессе, но и о том, чем увлекаются учащиеся. У нас были литературные, драматические кружки, ими руководили учителя. Сейчас я с радостью смотрю, какие прекрасные строят у нас школы. Но вот как-то прихожу в свою «альма матер», и директор мне говорит: «Вы знаете, пригласили репетитора в драмкружок, платим деньги за декорации...». Это, по моему излишне: теряться прелесть творческого труда, его изначальная основа. У нас, к примеру, костюмы шекспировских времен шили старшеклассница. Словом школа определила мою дальнейшую судьбу.

— А как отнеслись к вашему увлечению родители?

— Они считали, что я обя-

зательно должен стать дирижером. Пятилетним мальчиком меня водили гулять в Александровский сад — там играл оркестр. И я как бы дирижировал им про себя. Это детское увлечение не прошло даром. Вот уже двадцать лет веду курс оперной режиссуры в консерватории.

— Значит, музыка и театр шли рядом?

— Да. Позволю себе вспомнить еще один эпизод из юности. В 1939 году наш театр гастролировал в Москве, где проходила декада искусства Узбекистана. В Доме актера встречались ленинградские и узбекские артисты. Меня, совсем еще молодого актера, тогда не пригласили. И вдруг... лишний билет. Как сейчас помню, сидел в четвертом ряду, рядом со «звездами» искусства Ленинграда и Узбекистана. Так состоялось мое первое открытие Узбекистана.

В начале пятидесятых годов состоялась еще одна встреча с узбекским искусством. Г. А. Товстоногов, руководивший тогда театром имени Ленинского комсомола, поставил пьесу «Шелковое созане» А. Кахара, был удостоен звания заслуженного артиста Узбекской ССР.

В 1967 году ташкентский режиссер Захид Сабитов пригласил на роль генерала Фрике в кинофильме «Генерал Рахимов». Так мне повезло: повезло близко познакомиться с культурой Советского Узбекистана.

— Вам не раз приходилось играть императоров, военачальников. Видимо, работа над такими образами специфична?..

— Мне пришлось сняться более чем в пятидесяти фильмах. Скоро выйдут еще четыре ленты — «Блокада», «Соломенная шляпка», «От-

крытая книга» и «Четвертая комната».

Вспоминается дебют в кино. В Красную Армию призвали меня в сороковом году. Служил в артиллерийском полку. Однажды в наш дивизион пришел человек.

— Вот то, что вы ищите. — сказали ему.

И меня откомандировали на две недели. Оказалось, что на «Мосфильме» заболел актер и мне предстояло его заменить. Когда меня представили режиссеру, я, как полагалось воину, громко назвал свою фамилию, а имя постановщика не расслышал. Позже узнал, что это был Юлий Яковлевич Райзман, ставивший фильм «Машенька», где я играл финского офицера, который в общей суматохе боя произносит всего два слова.

Теперь о ролях «царского» репертуара. Сыграл Наполеона, трижды — Николая I, шесть раз — Александра II. Ну, а фашистских генералов и полковников — счет потерял.

Роль, которую играешь, становится как бы родной на то время, пока идут съемки. В какой-то мере я был зол на первые послевоенные фильмы, где наши враги выглядели ходульно. Я был на войне артиллеристом, разведчиком. Войну закончил старшим сержантом в Кенигсберге, где позже снимался в лентах «Весна на Одере» и «Генерал Рахимов». Видел сожженные города и села, следы кровавых преступлений нацистов, печи крематориев в концлагерях...

Как-то я беседовал с партизанкой. Она попала к фашистам под Лугой. В доме ее матери жил немецкий генерал — красавчик, чистоплюй. Он по-своему ласково относился к хозяйке, приносил подарки. На его столе была фотография жены и детей. И этот «нежный» отец собственноручно расстрели-

вал людей. Не партизан, а стариков, детей.

— Вы сейчас заняты в съемках?

— Пригласил меня вновь Захид Сабитов. Это будет моя третья роль в «Узбекфильме» после известных уже вам лент «Генерал Рахимов» и «Он был не один». О чем третья картина — пока секрет.

Режиссер Евгений Ташков — автор «Адьютанта его превосходительства» — пригласил на съемки трехсерийной телевизионной ленты, в которой играю роль дельца-спекулянта. Но главным в моем творчестве все же считаю театральную сцену.

— Значит, кино — подспорье для работы в театре?

— Да, конечно. Об этом можно судить хотя бы по тому, как оценивает мои киноопусы Георгий Александрович Товстоногов. Правда, он не ревнует, но всегда остерегается от халтуры. Понравится фильм — похвалит, поздравит с удачей, вместе порадуется успеху.

— Чем вы заняты в минуты отдыха?

— Люблю музыку. У меня много друзей в музыкальном мире — Евгений Мравинский, Кирилл Кондрашин, Юрий Темирканов. В музыке я как бы отвожу душу и... работаю над ролью. Слушаю симфонию, и в звучании ее, ритмах нахожу нужные краски, черты характера моего будущего героя. Словом, роль заранее переживаю через музыку, она создает настроение.

— Ваши впечатления о гастролях в Ташкенте?

— О зрителе я уже сказал — он благодарный и чуткий. И, когда после спектакля мы слышим долгие аплодисменты и нас не отпускают домой, мы забываем об усталости. А это, поверьте, великое счастье для артиста...

Ш. ЗАЙНУТДИНОВ,
Вл. ЛАПИН.

«ПРАВДА ВОСТОКА»
г. Ташкент

25 СЕН 1974

211